

а н н а
ЖИЛЬЦОВА

и з л о ж е н и я

Анна Жильцова

Изложения

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24504936

Анна Жильцова «Изложения». Стихотворения: «Геликон Плюс»;

Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-00098-022-4

Аннотация

Представляем Вашему вниманию сборник стихотворений Анны Жильцовой «Изложения».

Содержание

I		5
	Шалтай-Болтай	5
	Кадры	6
	Спойлер	7
	Просто так	8
	Борис и Бастер	9
	Сирень и Сирано	10
	На ножах	12
	Дрезденское гадание	13
	У моря	14
	Где	15
	Старое кино	16
	Закручивание гаек	18
	Греховодники	19
	1914	20
	Опровержения	21
	Silentium	22
II		23
	Верховный Главнокомандующий	23
	Бездна	25
	Дачное	26
	Вариант	27
	Закат	29

Рыбалка	30
Тютчев	32
Баллада о невстрече	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Жильцова

Изложения

I

Шалтай-Болтай

Как слов бессмысленных непостижима нежность,
И сердцу смысл постигнутый – согбенно мал...
И лепетов, и логик детства ломкость и безбрежность:
Ведь правда вся за ним – раз он упал?

И как во сне иное «наяву». Всё маленькие люди
Летят к земле. Всё опыты промера бытия. Иные чтут
Закон паденья тел. Иные ноют: будет-де
Шалтаться всяким тут. Лежачих боязливо бьют.

Вставайте же. На расторопность ратей – надежды нет,
А нашим конницам – лишь на кону стоять.
Вставайте. На ощупь, в тишине, чуть свет
К стене идти самим – Шалтая подбирать.

Кадры

Не был, не числился, не состоял,
Не привлекался и был не замечен.
Обрадованно мир встречал,
Кричал:
Тебя в отделе кадров ждали вечность!

Всех мыслимых грехов пока что избежав,
Ну а немислимых – так даже не придумав, —
Лежит в клочочек плоти облачённая душа,
Небытие простив улыбкою беззубых.

Над колыбелями чудовищ и святых —
Графы из прочерков, как гроздь погремушек.
Не сотворил. Не натворил. Пока ещё. Затих,
Соскальзывая в жизни сон грядущий.

Свобода воли – всхлип и вздох,
И предопределение – выдох. Как бы
Из личных дел гора. Готов
Ещё один... Да. Всё решают кадры.

Спойлер

Забегая вперёд, нам нельзя не сказать,
Что закончится всё очень плохо.
Будет мутно и холодно, и напоследок гроза
Разразится и всхлипом, и вздохом.

В старом доме пожар. Половицы гудят,
От отчаянья ад разверзая.
Забегая вперёд: бледноты той набат
На лице – как развязки примета плохая.

За стеною стена, сокрушаясь, прервёт тишину.
Лижет пламя, как раны, простенки.
Дом отходит бессильно, бессловно ко сну,
Убаюканный дождиком мелким.

Просто так

Просто так, ни за понюшку —
За нелепую игрушку
Жизнь – живут и умирают,
В биографии кромсая
Ход событий мировых.

Просто так – ни сном ни духом —
Как рептилии на брюхе,
В жизнь вползают в ползунках —
Поиграться там в веках.

Просто так – как понарошку —
Вечно ждут концов хороших,
Забывая, что до нас
Шли уж люди в первый класс.

Так зачем? Зачем, скажите,
Эта мука, небожитель
поэт?

Борис и Бастер

*Внешнее осуществление Пастернака прекрасно:
что-то в лице зараз и от араба и от его коня...*

Марина Цветаева

Ну что вы! Какой конь и какой араб?...
Наш Борис – это ж вылитый Бастер Китон!
Те же губы и скулы и тот же овал!
И глаза те же – болью налитые.

Как две капли скользящие, два двойника —
Две слезинки на щёках беззвучной эпохи.
Ни улыбки, ни всхлипа – лишь только глаза
Заклинают весь ужас Немого стокий.

Два комических стойка. Словно в огне —
Той высокой скулы не дрогнувший мускул.
В щепки дом ураганом разносит – во сне
Наяву два героя стоят, американец и русский.

Что за промысел чудный – печать двойников:
Словно оттиски гранок нам спущены свыше —
Жизнь выходит в печать, текст почти что готов,
И двойным тиражом – та сенсация... Слышишь?

Сирень и Сирано

Аллитераций ахиллесова пята и блажь:
Случайных слов искать взаимную поруку —
Одно за всех! – смысл подбирая, как типаж
В горячем мушкетёрстве звука.

Так постановщик роли раздаёт
Из сумрака партера на подмостки,
Угадывая сходство как налёт
Души на внешности волнительно неброской.

Мою сирень сыграет Сирано.
Вся в шпажных искорках дуэли дуновений —
Задира нежная... Наверно, несмешно
В соцветьях истекать на сцене.

(А нос? А нос-то
Где? Да где ж это заведено? —
Сирень играет Сирано?)

А нос – в кашне,
Под этой кашицей равновеликих лепестков и капель.
В грозу видали ль вы?
Махровым счастьем лиловым на холме —
Драчун, бретёр, носач, храбрец зарниц – под сполохами
сабель!

И монолог о ране
Читают ветви
Письмами к Роксане.

На ножах

Вновь сошлась на ножах захолустий душа —
Беспризорной шпанюю опушек – осока.
Полоснули. Посмели. Растенья расправу вершат.
Серпик месяца горлу грозит издалёка.

Задремавший, прошествовал полк камышей:
Вдоль по кочкам и луночкам – шелест лунатиков.
Сиротливо репейник шепнул: «Я ничей!», —
Уцепившись за полы игольчатым ватничком.

Дрезденское гадание

...*Schwamm drüber*,¹ как мне, 16-летней,
дрезденская гадалка сказала о моей первой любви.
М. Цветаева, «Сводные тетради»

Швам, пальцам, вытяжкам, шипам,
Шумам, гвардейцам и оркестрам, окнам, божьим храмам
—

Подателям сего: смутьянам, сутям и сетям – словам —
Гадать-прогадывать, начертанное напророчив даром.

Ладоням, лбам, зрачкам и зеркалам,
Скользящим взглядам и устам, ласковым прощаньям —
Проводы поверху, горем с губкой пополам,
Просеками ресниц, павших падежным окончанием.

Слова – силкам, ветра – воронкам, птицеловов –
воронкам,
Затылкам – сталь и смолы чёрные с небес:
Чудному граду Дрездену – не треск,
А плач и на разрывах – перезвон по швам.

---

¹ Schwamm drüber – оставим это; умолчим (*нем.*) (буквальный перевод: смоем губкой)

У моря

В сером мареве моря,
На пасмурном рейде, за мачтами,
Зацепившись за низкое небо,
Точёный кораблик повис

И качается. Пепельный парус
Полумесяцем пепельным дачникам
Светит издали.
Вмиг остывающий бриз

Самоваров, кострищ и пылающих щёк
Ветер сносит и сносит упрямо на волн пепелище —

Ветру, взморью, акациям ведь невдомёк:
Полумесяц сорвётся.
Сорвался...
Тучек публика радостно свищет.

Где

Где грязь и гнус; где не смежая глаз
Всё ждёшь, страшась, когда ж нагрянут гости;
Где, как в долгах, день в долгих сумерках погряз —
Живут. На смерть и ночь никак не хватает злости.

Живут, хоть злости не хватает. Дефицит
Испытывают рощи, лужи, сажа
Туч грозовых. Дождь в сдержанном рыдании моросит,
Листвы талоны в срок не отоварив... Скажешь:

Да, так и живут.

На горизонта лезвиях
Вёрст и рассветов истекают стаи.

Как выживаете ещё вы здесь, болезные?

– Да ведь – всё есть.

...Вот только —

злости самую малость не хватает.

Старое кино

По указке и по разрядке
Сверху список спустили:
Кто, кого и когда.

Напускная весёлость,
Па изящные
Утренней лёгкой зарядки
И пробежка

Давались почти без труда.

Дрожь да звон – стаканы о подстаканники —
Чай в плацкартном. Под гравий слетает страна.

Лётчик или танкист,
Пастушок из поволжских джазистов, —
Все попутчики сплошь молодые да ранние,
И мораль пасторали полна.

Из прекрасных порывов
Славных ширококостных героев
Соткан воздух разреженный.

Зори стягами майскими жгут.

В этом реяньи разница стёрлась
Меж раем и роем,
Песни льются легко и затверженно.
На поверках фамилии ждут.

Закручивание гаек

Вращают на ура
Вершители судеб
Всё попадающее
Под стальную руку.

Бесстыжая пора:
При сорванной резьбе
Крутиться и внимать
Оваций громогласных звуку.

Не дальше чем вчера
Крещённые во тьме,
Слепые ждут
Прозренья по второму кругу.

Греховодники

Живут во грехе, не смущаясь нимало,
Иные, хоть грех приказал долго жить.
Живут – и с лицом от излишеств и оргий усталым
Других подбивают грешить.

Не сыщешь управы на ближних пороки:
Как в спальне – во всей наготе и красе —
В зашторенной черноте черепной коробки —
Бесстыжие! – эти – это – делают не как все.

1914

Люди шли на маскарад.
Ночь светилась обещаньем.
Маскам был уже не рад
Каждый встречный. На закланье

Отправлялся континент
В грязные, как грех, траншеи.
Слов и смыслов контингент
С перебитою трахеей —
По опушкам, по жнивью, на разъездах и в аллее.

Сглазили
Тысячелетье.
Газы. Газы. Газы.

Опровержения

Время от времени надо печатать опровержения.
Желательно – на первой странице и крупным шрифтом.

Читатели жизнью чужих,
Вы недопоняли!
Всё было не так. Или – совсем не так.
Или – всё ещё может сбыться.

Не верьте сенсациям —
Читайте опровержения!

Кто знает:
Может, знак поменяла та ненависть,
То животное отторжение?
Кто знает:
Может, не Ватерлоо, а Бородино —
То жестокое поражение?
Кто знает:
Может, всё ещё может сбыться?

Silentium

На выучку! К начисто, к напрочь забытой
Матчасти младенчества, млечной игре —
К молчанию новеньких робко-маститому
В беззвучия чудном и чёрном труде.

В неназванном мира и неназываемом —
Гнездовья значений. Лелеемый грай
Зеницами, звеньями, звонами скажется —
Лишь рот в изумленьи себе зажимай.

Молчки и молчанки – подспорье поспорившим
О «быть иль не быть». Не вопрос!
Живую шпаргалкой, копейки не стоившей,
Язык точно к небу прирос.

Беззвучно в изгнаныи бессмыслицей признаны
Все «против» и «за». Не указ
Незванное слово для смыслами избранных,
А зов. Кто горем разлуки горазд,

Ступай Расскажи, что сия за напасть:
Взрастить возвращенца – и через границы
Полей запылённых на плаху явиться.
На счастье – на сечу – во власть.

II

Верховный Главнокомандующий

Верховный Главнокомандующий
устал.
Ему приснился собственный ребёнок
в луже крови.
Мартовский снег, растаяв на пороге,
Потёки на полу нарисовал.

Грачи бунтуют. Чернь и Петроград
Полны брожения. Весенний сок измены
Пульсирует в висках и деревьях.
На всех фронтах – распутица, распустье и размены.
На всех устах – укоры, кара, крах.

Река вскрывается, как рана с гнойником.
Лёд тронулся и надломился у излучин.
Великий и проклятый год —
Река Великая —
Великий город Псков —
Идём на Дно —
Великое Прости
утопленников, вёсен и уключин.

И поутру
его рука протянется
к перу.

Бездна

Мгла могил да сугробы надгробий:
Как мертвецкая, память полна.
А слова, сумасбродны и скорбны, —
Камнем в пропасть – на розыски дна.

И стремглав, без отскоков от стенок,
Всё быстрее устремляясь к ядру, —
В бездну ту, что бессмертием снится в застенках
И бездонной зовётся в миру.

Дачное

Намокнув, обварившись и крошась,
На запотевшем блюде развалившись,
Блестит бисквит.

Тенистым крошесом карандаша,
Где света акварель сквозит,
Едва намечен контур сада.

Спасибо, нет.

Спасибо, нет – не надо

Больше чаю – оставьте на потом,
Для тех, кто подойдет чуть позже,
Кто подойдёт вот-вот,

Рукой неловкой разведя

Зелёных листьев клейких бездорожье.

Смотрите: со смеху сам пол дрожит,

Щекоткой бликов толстопалых растревожен!

Остаток дня лучащимся клубком

Свернулся на веранде, как котёнок.

Растрёпанный, что эта бахрома, закат —

И запах сладким залитых клеёнок.

Вариант

*Дочери катят серсо,
Матери катят – сердца.
И по дороге столбом
Пыль от сердец и серсо.
М. Цветаева*

Порочный круг. Невинный обруч.
Прочат
Устало гости долгие лета.

Вон та – скатила в луг;
Вон та – скатила в омут.

Очень

Болит
Отнятая рука —

Отнятая по перстень.
Безымянный
Немее палец.

– Как распух!
– Стащить!

И мылом, маслом —
Облепляют тайну.

Скользит

Серсо
Сердец.

Какая же тоска

На именинах сменщиц!
Ведь сменили
Саму себя
Самой собою ж.
Без следа...
Прощать нам велено
Врагов своих —
Самих себя.
Простились

Два взгляда
В зеркале.
– Сюда! Скорей сюда!
Кричат подруги дочерей.
Там, под столами,
Прячутся дети.
С неба
бежит вода.

Закат

Какая спесь небес!
Спесь – словно совесть.
Как всё запущено! —
Залившееся краской торжество.

Словно бы
радость
добрых:

Румянца пятнами
пошедшая
Прозрачная счастливость —

Так добрые стыдятся
Неслыханного счастья своего.

Рыбалка

На блесну, на живца, на живительный проблеск
Неуёмной надежды за рябью пучин
Покупаются люди – крючковой болью
Заглативший наживку ту только и жив.

Всё наверх и наверх, через толщу волненья,
Кто-то тащит нас в небо, за жабры ведя.
И немая – мольба, и немое – боренье,
Чешуёй горят краски, и тонет земля.

Игра престолов

На белом свете королевств так много,
На белом свете тридевятых царств так много,
Что убивать не страшно, —
Бабы нарожают понемногу.

Не белом свете белизны так много,
И смерть так на миру красна,
Что умирать не страшно, —
Алее кровь зимою на дорогах.

На белом свете говорят: «Побойтесь бога», —
И, затаившись в похоронных дрогах,
Врага с семьёю вырезают у порога.

На белом свете нет порога у порока,
На белом свете и у боли нет порога.
На белом свете королевств так много...

Тютчев

Цензор предсказал грозу
В начале мая —
С чего бы? —
Как на ощупь, на выпуклый звук
Пути впотьмах пролагая.

Пути впотьмах: хоть выколи глаз —
Хоть ором зайдись – темно же!
Ложится ночь, как летучая мышь,
Скольжением льдинок по коже.

А цензору править
Текст предстоит:
За вычетом вычерков – прочерк.
Слову сторож, поэт сторожит
Текст
Непроходной до дрожи.

Вечно кромсать, вечно пятнать
Кляксами – манускрипты.
Перевод на язык разрешённый
С невозможного
Ритма —
Рифма.

Так что там гроза?
Идёт ли? Близка?
Скорей бы уж разродиться.
Сердце клокочет
На салфетки клочках.
На горизонта
Ревущей реке
Смерть стрекозой кружится.

Неподцензурное:
Сфинкс и страна.
Стара как мир
Весть грозовая.
И вера в Россию как эра стара:
В Россию верят, как верил Фома,
В раны персты влагая.

Баллада о невстрече

Честертон – Гумилёв, июнь 1917

Во всём, что он говорил, чувствовалось некое присущее его нации качество, которое уже многие до меня пытались определить. Достаточно будет сказать, что народ этот щедро наделён всеми возможными достоинствами, кроме одного – здравого смысла... В нём было нечто, что составляет сущность каждого большевика – нечто, что я видел в каждом встреченном русском. Так, когда он выходил в дверь, вас не покидало ощущение, что с не меньшим успехом он мог бы выбраться и через окно. Он не был коммунистом, он был утопистом, и Утопия его была гораздо безумнее коммунистической. Он предлагал закрепить исключительно за поэтами право править миром. Он и сам был, как он серьёзно пояснил, поэт. Но он был столь учтив и великодушен, что назначил меня абсолютным самодержцем Англии, Д'Аннуцио соответственно возводился на престол Италии, Анатоль Франс – Франции...

Он был убеждён в том, что если бы политиками были поэты или во всяком случае авторы, они не совершали бы ошибок и всегда смогли бы понять друг друга. Короли, воротилы и толпы могут

в ослеплении затеять свару, но сочинители не поссорятся между собой никогда.

... в это самое время я начал различать некие посторонние звуки «за сценой», как пишут в пьесах, и затем – громовое гуденье и раскаты войны в небе. Пруссия, самодержеца воздуха, поливала огнём великий город наших предков; и что бы там ни говорили о Пруссии, а заправляют в ней ну явно не поэты. Мы, конечно же, продолжили разговор как ни в чём не бывало – разве только хозяйка дома снесла вниз своего мальшиа, – и великий план поэтического управления миром раскрывался по-прежнему во всём своем великолепии. В такой обстановке любого нет-нет да и посетит мысль о близости кончины, и люди много всего понаписали об идеальных или не столь идеальных обстоятельствах, в которых смертный час может застать нас. Но я с трудом мог вообразить себе смертный час нелепее, чем этот: сидеть в гостях в мейферовском особняке и внимать одержимому русскому, предлагающему мне корону Англии.

Г. К. Честертон, «Автобиография»

Европы два последних паладина
Не встретились. Обидней тем вдвойне,
Что не встречаются обычно на смотринах.
На смотрах и на раутах – встречаются вполне.

Был смотром светский раут тот в Мейфэре,

И френчем звёздным небеса темнели,
И лётчик-ас сэр Морис Бэринг
С собою русского припас
(Ас, он и в Мейфэре ас).

И, большерот и большеглаз,
Пришелец раздавал короны:
Поэт – помазанный монарх,
Поэт и власть единокровны.

Франс Анатоль и Гилберт Кит,
Д'Аннунцио – на тронах мира?
Сошёл с ума он иль дразнил?
(Иль это звуки русской лиры?)

Внимал, немея, лондонский бомонд
Прожектам дивного мироустройства.
Сгущался вечер крайне странным сном,
Желудочным грозил расстройством.

А город под прицелом щепелинов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.